

УДК 316

Этносоциальные процессы и межконфессиональные отношения на Северном Кавказе

Кумыков Ауес Мухамедович

Доктор философских наук, профессор,
завкафедрой теории и технологии социальной работы,
Кабардино-Балкарский государственный университет,
360004, Российская Федерация, Нальчик, ул. Чернышевского, 173;
e-mail: aues-kumykov@mail.ru

Хубиев Башир Билялович

Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры теории и технологии социальной работы,
Кабардино-Балкарский государственный университет,
360004, Российская Федерация, Нальчик, ул. Чернышевского, 173;
e-mail: bashir-khubiev@mail.ru

Атабиева Зарема Алихановна

Кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры теории и технологии социальной работы,
Кабардино-Балкарский государственный университет,
360004, Российская Федерация, Нальчик, ул. Чернышевского, 173;
e-mail: zarema-atabieva@mail.ru

Виндижева Альбина Олеговна

Кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры теории и технологии социальной работы,
Кабардино-Балкарский государственный университет,
360004, Российская Федерация, Нальчик, ул. Чернышевского, 173;
e-mail: al'bina-vindizheva@mail.ru

Аннотация

В статье исследуются социокультурные условия межэтнического и межконфессионального взаимодействия субъектов социума на матрице отдельно взятого региона. Научно обоснованы концепции социально-политического реагирования на современное состояние этносоциальных процессов и межконфессиональных отношений в северокавказском социуме в условиях российских преобразования. Выявленные в ходе исследования современные данные по Северному Кавказу, такие как высокий уровень безработицы, низкий уровень жизни, финансовые дотации, проявление напряженности этносоциальных процессов, дезориентация людей в сфере религии и др. демонстрируют

слабость государственных институтов всех уровней, что исключает возможность говорить с оптимизмом о перспективах и стратегиях регионального развития. Устойчиво сохраняется состояние дезинтеграции как внутри регионального социума, так и регионов и федерального центра. Духовность рассматривается одним из решающих факторов гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений. Конкретные данные опроса населения о свободе вероисповедания в условиях идеологического вакуума свидетельствуют о размытости и мировоззренческом дуализме в социуме. Выявлено стремление человека сохранить как свою этническую принадлежность, так и не забывать о своей вере. В этой связи требуются специальные научные изыскания в целях разработки более действенной модели государственно-общественного реагирования на этническую и религиозную ситуации в регионах России.

Для цитирования в научных исследованиях

Кумыков А.М., Хубиев Б.Б., Атабиева З.А., Виндижева А.О. Этносоциальные процессы и межконфессиональные отношения на Северном Кавказе // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 6А. С. 122-142.

Ключевые слова

Парадигмальная модель, константы, противоречия, конфликты, либеральная концепция, радикальный ислам, терроризм, дуализм, уровень жизни, шоковая терапия.

Введение. Современное состояние и актуальность исследования

Этносоциальные процессы и межконфессиональные отношения всегда были одним из ключевых факторов в социальной истории России, обретали критическую значимость особенно на ее поворотных этапах. Так было, в частности, в 90-х годах двадцатого века в связи с распадом Союза. На этом двадцатипятилетнем этапе истории страны сложилась новая парадигмальная модель регулирования и развития межэтнических и межконфессиональных отношений. Данная парадигма может быть обозначена как модель «политической суверенизации» социальных общностей по этническому признаку, открывавший деструктивный путь в российском культурном пространстве и к конфликтам в межэтнических отношениях. Смена советской идентичности на этнонациональную и религиозную обострила проблему государственно-правового этнонационального самоопределения, которая наиболее остро проявилась на Северном Кавказе – в самом сложном в этническом и конфессиональном отношении регионе Российской Федерации [Дзугцев и др., 2016, 43]. Противоречия в рамках сложившейся модели этносоциальных процессов сегодня определяют политическую и социокультурную атмосферу в стране, вызывая новые запросы в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, что актуализирует постановку проблемы.

Вместе с тем, выстраиваемая в последние годы стратегия государственной национальной политики сыграла важную позитивную роль в восстановлении единого конституционного пространства и создании предпосылок к появлению новой, но еще не сформированной парадигмальной модели межнациональных и межконфессиональных отношений. Реальное положение дел в этих сферах напоминает стихийность, в российском социокультурном пространстве отсутствует системное конструктивно-критическое его осмысление с учетом последствий политики «этнической суверенизации».

Эти положения диктуют необходимость исследования поставленной проблемы в целях

дальнейшей научной разработки подходов и методов регулирования межнациональных отношений и этносоциальных процессов в современной России. Тем более что по мнению исследователей, в отраслевой национальной политике России и ее регионов отсутствует должная организационно-управленческая демократия и нет четких ориентиров при принятии концептуальных и стратегических решений. Кроме того, как справедливо подчеркивают отдельные авторы, действующие формальные правила (законы, постановления, предписания) не обеспечены эффективной системой контроля, как результат их часто не соблюдают. В конкретной жизненной ситуации люди нередко прибегают к неформальным правилам, в том числе традиционным [Келер и др., 2017, 152]. Особо это заметно в межнациональных отношениях и в сфере религии. В результате, основополагающие конституционные положения в этих областях часто остаются невостребованными общественной практикой.

Предлагаемое исследование базируется на концепции взаимосвязи этнокультурных и политических процессов с социальными, экономическими и культурными процессами, в совокупности способствующие выработке механизмов гармонизации этносоциальных процессов и межконфессиональных отношений.

Актуальность поставленной проблемы еще более усиливается в условиях активизации радикального ислама и международного терроризма, а также многообразного экономического давления извне, в которых ныне оказалась многонациональная и многоконфессиональная Россия. Изучение этносоциальных процессов в сложном в национальном и конфессиональном отношении регионе России, позволит по-новому взглянуть на необходимость изменения вектора социально-политической стратегии России в данной области общественной практики.

В силу изложенного, авторы ставят задачу изучить социокультурные условия межэтнического и межконфессионального взаимодействия людей в северокавказском социуме, акцентируя внимание на выявлении объективных факторов, создающих конфликтогенную ситуацию в регионе.

Степень изученности. Исследовательские константы

Основным источником складывания конфликтной ситуации в северокавказском регионе, по мнению большинства специалистов, является обострение социально-экономических условий взаимоотношения народов России в последние два десятилетия. С распадом союза принципиально меняются оценки места Северного Кавказа в российском социуме и основных параметров их взаимодействия в социокультурной жизни общества. Как это имело место и в ранней историографии по данному параметру, сталкиваются две концепции: с одной стороны, либеральная, отстаивающая социокультурную несовместимость центра и периферии, поскольку их взаимодействие протекает в условиях архаичной социальной среды региона и потому, дескать, носит тупиковый характер; с другой – концепция органичности общероссийского модернизационного процесса, отстаиваемая региональными аналитиками. Считается, что, несмотря на определенные издержки сохранившегося пласта этносоциальных и этнокультурных традиций, взаимодействие России и северокавказского региона носит конструктивный характер, и что справедливость данного вектора развития взаимоотношений доказана многовековой историей совместного проживания России и Кавказа [Боров, 2014; Жаде, 2006; Дзидзоев, 2006; Мамсиров, Томазов, 2011].

Продолжая дискурс относительно обозначенных двух концепций об оценке места Северного Кавказа в общероссийском пространстве, заметим, что концепция органичности модернизационного процесса не исключает присутствия в государственном и социокультурном

пространстве России исторического региона, для которого характерна культурная инаковость и внутренняя двойственность – дуализм традиционалистских и современных начал как основа жизнедеятельности народов [Голубев, 2006, 20]. Эти константные черты российско-кавказского исторического пути, которые были отягощены реформами 90-х годов, не могут быть сняты в близком будущем. Более того, в ситуации общей незавершенности процессов модернизации в российском социуме отмеченные константы регионального исторического процесса отвечают потребностям сохранения своей культурно-исторической идентичности народов, здесь живущих. Данное явление в полной мере затрагивает межэтнические и межконфессиональные отношения и этносоциальные процессы в обществе.

Следует заметить также принципиальное расхождение взглядов аналитиков на предмет постановки практических политических задач в регионе. Если большинство здравомыслящих ученых и политиков отстаивают приоритетность территориальной целостности Российской Федерации, прав и свобод всех народов независимо от национальной и религиозной принадлежности, то либеральные аналитики упорно отстаивают концепцию об иррациональности отношений с Кавказом в силу его «радикальной чуждости». Эти, далеко непростые, постановочные дилеммы нуждаются в дальнейших научных изысканиях.

Материалы и методы исследования

Современному состоянию межнациональных и межконфессиональных отношений посвящена солидная научная литература. Эти проблемы находят отражение в исследованиях Р.Г. Абдулатипова, Ю.В. Аругюняна, Л.М. Дробижевой, Г.С. Денисовой, В.Н. Иванова, Ю.Ю. Карпова, Г.В.Осипова, В.А. Тишкова, Х.К. Тхагапсоева, В.В. Черноуса и др.

Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе, вопросы интеграции и синтеза, а также проблематика кавказской идентичности в современных процессах российской социокультурной трансформации поднимают и решают региональные аналитики: А.Х. Боров, Р.Х. Кочесоков, А.М. Кумыков, Х.Г. Тхагапсоев, Х.Б. Мамсиров, М.С. Тамазов, С.С. Апажева, А.Х. Каранашев, М.А. Смирнова, С.К. Башиева, Н.А. Шогенцукова и др.

Этнические и этнополитические конфликты на юге России в современных условиях и пути их преодоления и урегулирования рассматриваются в работах В.А. Сологуб, Н.Н. Голубева, Р. Э. Германа, А.Х. Борова, З.А. Жаде, В.Д. Дзидзоева, С.Ю. Ивановой, А.В. Егупова и др.

Проблема религиозного экстремизма на Северном Кавказе в XXI веке изучена в работах Х.В. Дзуцева, З.А. Атабиевой, Б.Б. Хубиева, Р.М. Магомедова, В.А. Тишкова, Р.А. Хунаху.

Социально-экономические и политические ситуации в республиках Северного Кавказа в начале XXI века рассматриваются в работах Х.В. Дзуцева. Названные авторы внимание концентрируют на политизированность взаимоотношения государства и различных религиозных конфессий. Авторов объединяет концепция обострения межнациональных и межконфессиональных отношений на фоне проникновения в регионы России нетрадиционных исламских течений.

Последние годы защищены ряд диссертаций по проблематике межнациональных и межконфессиональных отношений, в числе которых наибольший интерес представляют: В.З. Долова, «Причины обострения межнациональных конфликтов на Северном Кавказе (Ставрополь, 2000), И.Н. Рындина «Эволюция религиозного самосознания в постсоветском российском обществе (Ставрополь, 2002), Х.М. Абдуллин «Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи (конец XVIII – начало XX вв.) (Казань, 2007), Ф.Г. Куначева «Эволюция религиозных воззрений абазин» (Нальчик, 2002), О.Н. Писаренко

«Социальная природа экстремизма (Пятигорск, 2010).

Таким образом, несмотря на определенные достижения в исследовании природы этносоциальных процессов и межконфессиональных отношений, сохраняется настоятельная потребность в ее дальнейшем исследовании.

Методологическую основу представленного исследования составляет междисциплинарный подход и системный анализ явлений и процессов в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений. Системный анализ социокультурного пространства Северного Кавказа базируется на использовании принципов историзма, культуроцентричности, междисциплинарность обеспечивается системным использованием различных методов исторических и этносоциологических исследований: глубинных интервью, опросов экспертов, контент-анализа местных СМИ, позволяющие моделировать состояние объекта исследования. Применяются также общенаучные принципы объективности, историзма, что позволило изучить межнациональные отношения в качестве важного компонента социально-политических процессов и выявить механизмы устойчивого/неустойчивого развития явлений в межконфессиональных и этносоциальных процессах.

В статье широко использованы материалы масштабного социологического исследования, проведенного в 2015-2017 годах в субъектах северокавказского региона, с участием авторов. Объектом исследования являлось население национальных республик, входящих в северокавказский федеральный округ России: Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика, охвачены представители всех национальностей. Социологические эмпирические данные позволили выявить и интерпретировать показатели этносоциальной напряженности и факторы, которые с той или иной степенью выраженности их формируют. Данный подход позволил сравнить потенциальный уровень межнациональных и межконфессиональных противоречий и конфликтов, определить факторы напряженности в социуме, что в дальнейшем станет базой для разработки ряда конкретных рекомендаций по их урегулированию.

Полученные результаты и основные векторы

Северный Кавказ представляет собой уникальное поле взаимодействия народов, культур и религий. Социальная матрица Северного Кавказа представлена значительным экономическим, социальным, политическим и научным потенциалом Юга России. Население федерального округа составляет 9 млн. человек, представляет более 100 национальностей, сосредоточено не трех географических полюсах: равнинной, предгорной и горной, что создает уникальное исследовательское поле в решении поставленной проблемы. Географическое положение региона позволило в полной мере использовать природные, исторические и культурные факторы, формирующие многообразие этнокультурных и этнонациональных анклавов. Социально-экономические ресурсы республик Северного Кавказа, на первый взгляд, составляют прочную базу для поступательного развития региона и высоких показателей уровня жизни населения. Однако анализ конкретных данных масштабного опроса регионального социума свидетельствует об обратном: о невысоком уровне материального обеспечения людей и отсутствии стратегических решений. Неэффективность существующих правовых механизмов регулирования социально-экономических и этнорелигиозных процессов, по мнению исследователей, привела к подмене их административным маневрированием и компромиссами [Дзугев и др., 2016, 43-44]. Такая неопределенность в данной сфере общественного бытия не

способствует использованию в полной мере имеющихся ресурсов и задать объективному ходу регионального развития четких ориентиров. Низкий уровень трудовых доходов население связывает с неэффективным государственным управлением. Для выяснения позиций граждан ставилась задача определить наиболее значимые для населения задачи, которые государство должно решать в первую очередь [там же, 161] (таблица 1).

Таблица 1 - Первоочередные задачи государства

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Борьба с преступностью и коррупцией	56,0%	54,1%	56,8%	44,7%	51,2%	63,1%	38,4%
Улучшение качества жизни населения	55,6%	64,4%	74,2%	31,3%	65,4%	52,4%	41,9%
Охрана прав и свобод граждан	16,1%	17,8%	29,5%	13,4%	21,0%	17,5%	10,6%
Развитие экономики, стимулирование роста производства	24,2%	31,1%	23,5%	6,1%	21,0%	28,2%	2,5%
Повышение уровня образования, здравоохранения	23,0%	22,2%	14,4%	4,5%	36,4%	21,4%	4,0%
Развитие военно-промышленного комплекса	7,7%	5,2%	8%	1,7%	2,5%	8,7%	5%
Другое	4%	7%					2,0%
Затрудняюсь ответить	8%	7%					1,0%

Из таблицы видны суммарные показатели в среднем по региону по двум первоочередным задачам государства. Среди наиболее важных задач государства опрошенные граждане называют борьбу с преступностью и коррупцией (56,2%) и улучшение качества жизни людей (52%).

В условиях рыночной системы и экономической разобщенности субъектов региона население сталкивается с социальной и экономической маргинализацией и политической напряженностью, отсутствием доступа к базовым общественным и социальным ценностям. По данным исследования, лишь около 10 процентов населения довольны положением дел в своих республиках [Дзуцев, 2009, 8]. Особенно это заметно в горной части федерального округа, на долю которой приходится две трети его населения. Известно, что жители горных мест во всем мире относятся к наиболее обделенной категории населения. Не случайно на международном уровне обращено внимание ученых исследованию горных районов планеты, поскольку нынешние глобальные вызовы, связанные с экономическими и социальными катаклизмами, ростом народонаселения и др., отягощают социальное положение этой категории социума. В результате углубленного изучения социально-экономической и политической ситуации в регионе в начале XXI века, Х.В. Дзуцев приходит к следующим выводам: «Этносоциальные стереотипы представляют собой сложные ментальные образования, в основе которых лежат стереотипы, сформированные традиционной культурой каждого народа. В современных

условиях под воздействием экономических процессов, а также текущих политических конфликтов на эти исходные стереотипы накладываются новые. Взаимодействие старых и новых стереотипов порождает определенные векторы их динамики, как конструктивные, направленные на стабилизацию обстановки, так и деструктивные, направленные на ее дестабилизацию» [там же, 4]. В силу этого регион превратился в особый поликультурный анклав российского социума. Реформы весьма своеобразно и противоречиво отразились на нем. Отказ от старой системы неограниченного дотационного финансирования привел к резкому падению уровня жизни населения региона. Каждый третий из числа опрошенных граждан региона считает, что государство не защищает их интересы [Дзуцев и др., 2016, 161].

Последствия такой стратегии федеральных реформ с каждым годом все острее ставят проблему создания объективных условий социального взаимодействия центра и регионов России. Отсутствие интегрированности возникающих современных институтов России – явление очевидное. Как замечает Дж.У. Де Болт со ссылкой на критику Дюркгейма о модернизации Европы XIX века, «люди все больше ощущают, что разные части общества не работают совместно и им не хватает солидарности жизни, ее цельности ...» [Де Болт, 2001, 24]. Данное положение ученого в полной мере характеризует российскую реальность. Разобщенность внутрирегиональных социальных институтов и аналогичная ситуация на уровне всего государства лишает людей «солидарности жизни и ее цельности». Такая ситуация, понятно, не может работать на консолидацию общества, на сближение народов, этносов, конфессий.

Следует заметить, однако, что разноскоростной характер модернизационного процесса в регионах России – явление объективное. Исторический опыт свидетельствует о глубоких и многообразных различиях регионов в социально-экономических и демографических структурах, культуре и историческому опыту организации социальной жизни [Боров, Кочесоков, 2014, 45]. Наши исследования показывают необходимость со стороны центра стимулирования процесса модернизации и его ускорения в регионах. Прежде всего, речь идет о политике обеспечения взаимосвязи регионов, с одной стороны, регионов и центра, с другой, в социально-экономической сфере и межкультурном взаимодействии. Такая политика должна проводиться в масштабе страны и быть дифференцированной по содержанию и методам.

Пока что регионы Российской Федерации отстают от общих тенденций развития страны по показателям уровня и качества жизни. Различия весьма заметны не только между регионами, но и внутри них. В субъектах северокавказского региона, например, наблюдаются заметные расхождения в уровне материальной обеспеченности населения. В целях выявления состояния материальной обеспеченности людей изучен уровень материального достатка в семьях региона (см. таб. 2).

Таблица 2 Уровень материального достатка в семье

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Богатый	1,1%	3,1%	5,3%	1,1%	1,8%	0,8%	2,5%
Живем очень комфортно, можем ни в чем себе отказывать	6,1%	43,4%	18,69%	7,3%	6,1%	14,3%	18,2%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Живем достаточно комфортно, иногда мы можем позволить себе купить дорогие вещи	58,4%	39,5%	47,7%	70,9%	65,9%	56,3%	48,0%
Сводим концы с концами, денег хватает на еду и одежду	29,0%	12,4%	21,2%	17,9%	24,4%	23,8%	25,8%
Почти бедные, денег хватает на еду, но не на одежду	4,2%	0,8%	3,8%	1,7%	0,6%	2,4%	3,0%
Бедные, денег не хватает даже на еду	1,1%			1,1%	1,2%	0,8%	1,5%
Не знаю		0,8%				0,8%	1,0%
Отказ			3,0%			0,8%	
	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Как видно из таблицы об уровне материального обеспечения семей северокавказских народов, в среднем по региону лишь 16,3 % опрошенных ответили, что «живут очень комфортно и ни в чем себе не отказывают». При этом в Кабардино-Балкарской Республике удельный вес таких составляет 43,4%, тогда как среди населения Дагестана он равен лишь 7,3 %, Ингушетии и того меньше – 6,1%. Однако немало и тех, кто «сводит концы с концами и денег хватает на еду и одежду» [Дзугцев и др., 2016, 181]. По этому показателю все субъекты региона находятся примерно в одинаковых условиях – каждая четвертая семья испытывает недостатки во всем.

Значительная часть населения (более одной трети) считает, что государство не защищает интересы своих граждан [там же, 161]. Кроме того, население региона свое материальное неблагополучие напрямую связывает с отсутствием государственного регулирования экономики и социальной сферы. Косвенным свидетельством этому является ответ на вопрос: «Как вы считаете, есть ли необходимость национализировать ... крупные предприятия?» (см. табл. 3).

Таблица 3 Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, есть ли необходимость национализировать крупные предприятия?»

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Да	56,7%	37,0%	46,2%	53,6%	76,8%	59,2%	39,4%
Нет	33,3%	44,4%	49,2%	38,5%	18,9%	24,2%	29,8%
Затрудняюсь ответить	10,0%	18,5%	4,5%	7,8%	4,3%	16,7%	30,8%
	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Из приведенных данных видно, что суммарно большинство опрошенных в среднем по региону (53%) считают, что необходимо национализировать в первую очередь крупные ресурсодобывающие предприятия страны, значительная доля которых приходится на регионы, но они не участвуют в распределении производимой продукции, а регулирующая роль государства сведена к минимуму.

Потребительский характер экономической жизни и хозяйственной деятельности регионов, их отставание по ключевым показателям уровня и качества жизни, отсутствие налаженной рыночной инфраструктуры, понятно, не будут способствовать обеспечению единого общенационального движения в масштабах всей страны. Стратегия социально-экономических преобразований страны, к сожалению, не учитывает необходимость пропорционального размещения производственных ресурсов с учетом возможностей регионов, что стало бы материальной основой взаимодействия людей и этносов как в регионах РФ, так и в масштабе всей страны.

В процессе взаимодействия и консолидации народов важным составляющим является религиозный фактор. Этносоциальные процессы всегда имеют религиозное содержание. В этой связи представляет интерес изучение места религии в структуре ценностей людей разных национальностей в данном региональном социуме. Согласно проведенному опросу, религиозные ценности среди совокупности ценностей (работа, семья, друзья и знакомые, свободное время, политика) занимают одну из ключевых мест. Место религии в структуре ценностей рассмотрено через призму наиболее значимых жизненных ценностей.

Таблица 4 - Оценка сторон жизни людей в системе жизненных ценностей

	Национальность						
	Русские и русско-язычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Работа							
совсем неважно	1,1%			5,0%	2,4%		2,5%
не очень важно	3,1%	3,7%	4,5%	5,6%	7,3%	5,5%	10,1%
довольно важно	35,5%	23,7%	32,6%	38,5%	48,8%	36,2%	41,4%
очень важно	59,9%	72,6%	61,4%	50,8%	41,5%	58,3%	45,5%
затрудняюсь ответить	0,4%		1,5%				0,5%
Семья							
совсем неважно	0,4%			3,4%		0,8%	
не очень важно	0,8%		0,8%	3,4%		0,8%	1,0%
довольно важно	12,2%	3,0%	7,6%	20,7%	2,4%	3,9%	4,5%
очень важно	86,7%	97,0%	91,7%	72,6%	97,6%	94,5%	93,4%
затрудняюсь ответить							1,0%
Друзья и знакомые							
совсем неважно	1,1%	0,7%	1,5%	3,9%	1,2%	1,6%	1,0%

	Национальность						
	Русские и русско-язычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
не очень важно	11,1%	3,7%	4,5%	10,6%	7,9%	8,7%	11,6%
довольно важно	53,8%	46,7%	45,5%	59,8%	48,8%	55,1%	40,9%
очень важно	34,0%	48,9%	48,5%	25,7%	42,1%	34,6%	45,5%
затрудняюсь ответить							1,0%
Свободное время							
совсем неважно	3,4%	1,5%	5,3%	3,9%	1,2%	1,6%	6,6%
не очень важно	20,2%	19,3%	23,5%	25,7%	18,3%	25,4%	20,2%
довольно важно	46,0%	41,5%	47,7%	43,0%	45,1%	53,2%	33,8%
очень важно	30,0%	37,8%	23,5%	27,4%	35,4%	19,8%	38,4%
затрудняюсь ответить	0,4%						1,0%
Политика							
совсем неважно	18,3%	11,9%	7,6%	20,1%	29,9%	14,8%	22,2%
не очень важно	47,1%	47,4%	40,9%	22,3%	36,0%	48,4%	38,4%
довольно важно	24,7%	34,1%	33,3%	31,3%	25,6%	30,5%	25,3%
очень важно	9,9%	6,7%	16,7%	26,3%	8,5%	6,3%	11,6%
затрудняюсь ответить			1,5%				2,5%
Религия							
совсем неважно	4,6%	8,1%	2,3%	11,7%	1,2%	10,6%	2,0%
не очень важно	16,8%	15,6%	14,4%	10,1%	1,8%	26,8%	3,0%
довольно важно	38,5%	31,9%	19,7%	36,3%	14,6%	42,3%	10,1%
очень важно	37,4%	43,7%	63,6%	41,9%	82,3%	19,5%	83,3%
затрудняюсь ответить	2,7%	0,7%				0,8%	1,5%

Таблица составлена по: Дзуцев Х.В., Атабиева З.А., Хубиев Б.Б. и др. Современное состояние исследований по религиозному экстремизму, основные направления исследований в мировой науке: социологический анализ. Москва-Владикавказ, 2016. С. 67-68

Как вытекает из пункта 1.6 «довольно важное» или «очень важное» место в структуре ценностей религия занимает четвертую позицию вслед за семьей, работой, друзьями и знакомыми.

Чтобы наглядно представить совокупные показатели в целом по региону об оценке респондентами жизненных ценностей, предлагается следующая таблица.

Таблица 5 - Совокупные показатели оценки жизненных ценностей в регионе

стороны жизни	семья	работа	друзья и знакомые	религия	свободное время	политика
в % к общему числу опрошенных	98,2	92,3	91,1	79,3	74,5	41,5

Из этого видно, что религиозность становится одним из социально значимых факторов современного северокавказского социума. Религиозное воззрение, усилившееся в российском обществе на исходе XX века, привело к очевидному росту числа верующих и усилению социальной роли религии по сравнению с советским периодом. В субъектах Северного Кавказа, за исключением Северной Осетии – Алании, доминирующей религией был и остается Ислам, и прирост религиозности достигнут за счет увеличения числа приверженцев нетрадиционного течения в Исламе, распространяющего радикально-экстремистскую идеологию. Религиозные течения появились на постсоветском пространстве, как только были сняты жесткие ограничения со стороны государства на религиозную деятельность, а также как ответная реакция на слабость традиционных институтов религии. Религиозные течения противопоставляют себя основным религиям, в чем просматривается сепаратизм с целью передела идеологии и власти. Население, согласно опросу, в целом положительно относится к существованию религиозных групп, как православных, так и мусульманских. На вопрос «Как Вы относитесь к религиозным группам в России?» положительно или весьма положительно отзывались более 90% опрошенных представителей православия – это русскоязычное население и осетины, исповедующие христианство, а также представители мусульманства. Среди последних заметное преимущество в своих положительных отзывах демонстрируют представители возрастной группы до 35 лет [Дзуцев и др., 2016, 294]. Если представители старшего возраста осознанно относят себя к последователям традиционного Ислама, и для них это национальная традиция, то молодые респонденты причисляют себя к верующим стихийно, неосознанно, при этом абсолютное большинство (79%) не знают ритуалы и предписания [Апажева, Машуков, 2015, 113].

Этносоциальные процессы и межконфессиональные отношения на Северном Кавказе всегда носят на себе печать миграционных составляющих. Исторически северный Кавказа – уникальный регион, в котором представители разных культур взаимодействуют веками. Однако проблема миграции в новой России в целом обострилась, затрагивая все регионы. Но по оценкам специалистов Северный Кавказ представляет собой наиболее проблемный в миграционном отношении регион Российской Федерации. Миграционный прирост населения в регионе за последние пять лет превысил 1 млн. человек (по России он составил около 3,5 млн. человек) [Хубиев, Хубиева, 2014, 114]. Миграционные процессы в сочетании с демографическими тенденциями и экономической депрессией сформировали в регионе своеобразную модель взаимоотношений народов.

Одним из важных аспектов данной проблемы являются мнения и взгляды местного населения на проблему взаимоотношений, которые должны складываться между мигрантами и принимающим социумом. В целях изучения отношений населения к данной проблеме был поставлен вопрос (см. таб. 6).

Таблица 6 - Считаете ли Вы, что приезжие должны перенимать традиции, уклад жизни, обычаи местного населения, а не сохранять свои?

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Безусловно, да	7,6%	8,1%	6,8%	18,4%	6,1%	9,4%	4,5%
Скорее, да	25,5%	20,0%	15,9%	24,6%	7,9%	17,3%	13,6%
Скорее, нет	14,8%	26,7%	31,1%	17,9%	25,6%	14,2%	19,2%
Безусловно, нет	15,6%	20,0%	13,6%	11,2%	21,3%	15,7%	23,7%
Перенимать лучшее друг у друга	34,6%	24,4%	32,6%	27,9%	38,4%	40,9%	32,8%
Затрудняюсь ответить	1,9%	0,7%			0,6%	2,4%	6,1%
	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

В результате проведенного опроса по данной проблеме получен довольно большой разброс мнений и суждений. Суммарные показатели в среднем по региону по трем ключевым позициям выглядят следующим образом: приезжие должны перенимать традиции и обычаи местного населения считают 26,5% опрошенных, приезжие должны сохранять свои традиции считают 38,7% респондентов, одна треть (33%) опрошенных считают, что следует «перенимать лучшее друг у друга» [Дзуцев и др., 2016, 121]. Так или иначе, миграция вносит своеобразие в социальную и национальную структуру населения, отражаясь на функционировании социальных институтов, в целом на социальное воспроизводство поколений и жизненного бытия людей.

Составной частью и нравственной базой этносоциальных процессов и межконфессиональных отношений в социуме была и остается духовность как ценностная категория жизненного бытия. Духовность составляет категорию социального наследия, и в этом качестве она в последнее время все чаще становится предметом дискуссии и источником конфликтов. В частности, объектом споров выступают методы освоения ценности духовности. Научному (рациональному) пути ее познания противопоставляется идея о сверхъестественном источнике духовности и раз и навсегда предписанном феномене. Религиозные конфессии не признают изменчивость ценности духовности. Между тем, духовность постоянно развивающаяся категория, как заметил Карл Поппер, как правило «совпадает с историческим развитием общества» и отражает фундаментальные ценности [Поппер, 1992, 18]. Противоречие заложено в том, что духовное, став атрибутом общественной жизни, через властные отношения предписывается обществу и личности ею следовать. В то же время, как считает О. Шпенглер, религия выдает духовность как «таинственные благодеяния, которые можно порекомендовать, но не навязывать» [Бердяев, 1992, 399]. Однако же такое понимание религиозной духовности отражает лишь сущностную сторону, скажем, должное. Практика межконфессиональных отношений изобилует неразрешимыми противоречиями. Забывая о «таинственности благодеяния», конфессии в свою очередь навязывают обществу собственное понимание духовности. Разрешение этих противоречий ведет к возникновению новых ветвей, сопровождается противостоянием и кровопролитием. В подтверждение этой мысли можно привести немало примеров противостояния как между конфессиями, так и внутри них и создание во многих частях мира деструктивных религиозных организаций различного толка:

буддистских, иудаистских, католических, православных, протестантских, исламских.

Следует заметить, что в истории всех мировых религий явственно просматривается процесс политизации конфессий, часто вовсе не утруждая себя ценностями духовности. Факторов, доказывающих желание политических лидеров использовать религиозные конфессии в укреплении своего лидерства, или стремления религиозных лидеров занять свою политическую нишу в обществе, в истории политики и религии можно привести множество. Такое желание и стремление и тех, и других мы наблюдаем и сегодня. Не случайно в «Основах социальной концепции Русской православной церкви записано, что «всякому государству приходится считаться с реальным религиозным составом своего населения» [Хубиев и др., 2016]. Как справедливо замечает М.М. Мчедлова, «религиозные институты и лидеры формируют в условиях современности не только смысло-жизненные ориентиры, но и идейный контекст политической активности и видение социального прогресса» [Мчедлова, 2016, 111]. Такая ситуация в российском обществе находит отражение и в общественном мнении. По данным нашего исследования, более половины опрошенных считают, что религиозные организации (православные, мусульманские и др.) должны участвовать в решении государственных вопросов [Дзуцев и др., 2016, 384].

Рассматривая политическое взаимодействие государства и религиозных конфессий в регулировании межконфессиональных отношений, следует учесть, что уровень духовности не может быть оценена в отрыве от понятия свободы. Попытка изменить статус-кво религии и ситуацию в религиозной просвещенности в постсоветском обществе сопровождается свободой вероисповедания. Выявляя уровень религиозности населения северокавказского социума в ходе социологического исследования был поставлен вопрос: «Независимо от того, посещаете ли Вы религиозные службы или нет, Вы верующий?». По региону в целом суммарно положительный ответ на данный вопрос дают 85% опрошенных, в том числе 82,4 % из числа представителей младших возрастных групп до 35 лет, 87,4% старших возрастов – свыше 35 лет [там же, 269]. Оценивая эти данные через призму свободы вероисповедания в условиях идеологического вакуума, заметим, что такая свобода во многом привела к дезориентации людей и к ситуации неопределенности. В этой связи, казалось бы, можно ставить под сомнение считать человека религиозным на основании самоидентификации. Дискурс по данной проблеме свидетельствует о наличии расхожих мнений ученых, которые отстаивают необходимость привлечения к фактору «самоидентификации» дополнительные критерии, связанные с религиозной практикой [Рыжова, 2016]. К такого рода дополнительным свидетельствам можно отнести, на наш взгляд, приверженность к религиозной идеологии и мировоззрению. В этой связи выяснялся вопрос: «Дает ли Вам религия душевный покой и силу, или нет?», на который около 80% опрошенных дали положительный ответ. И еще. По мнению подавляющего большинства опрошенных (81%) религия является универсальным социальным институтом, обслуживающим мир духовных человеческих потребностей [Дзуцев и др., 2016, 87]. Тем не менее, лишь половина опрошенных респондентов (49,5%) считают, что научные знания об основных религиях мира, их истории и культуре следует преподавать в учебных заведениях только по желанию и выбору учащихся и их родителей [там же, 64]. Как видно, к фактору самоидентификации человека в религиозной сфере следует подходить взвешенно.

Как видно, о свободе в сфере религии нужно говорить, прежде всего, внутри своего существа. С этой позиции религия становится важным фактором, поскольку духовное включает в себя также веру. Сущность свободы с позиции религии просматривается в контексте

соотношения светского и религиозного в координатах значимости нравственных представлений свободы. Наука приписывает к заслугам религии признание высокой роли «внутренней» природы свободы. Н. Бердяев заметил, что «свободу нельзя из ничего вывести, в ней нужно изначально пребывать» [Шпенглер, 2003]. Но опять же, с точки зрения науки, такая внутренняя свобода детерминирована общественными условиями и общественными интересами, материализуется в деятельности. Если человеческая деятельность совпадает с интересом общества – это благо. Однако, поведение и поступки, деятельность в целом, могут идти вразрез с интересами общества, выдвигая на передний план интересы личности. К сожалению, наша жизнь изобилует примерами такого рода. Современный человек более самостоятелен, индивидуален, самодостаточен, часто считает себя независимым от общества, нередко ставит свои интересы выше интересов общества. Такая свобода дорого обходится обществу. Ведь, если личность не готова к нравственному проявлению свободы, к духовности, то ее свобода воплощается в разрушительные действия. События последних лет в российском обществе, северокавказском регионе в частности, связанные с вульгаризацией свободы как источника религиозного радикализма, подтверждают данное положение. Ведь, человеческая свобода объективно ограничена пределами несвободы других, противоположность интересов и целей всегда рождает противоречия и конфликты ценностей. Свобода от устоявшихся правил поведения, действующих в социуме, означает игнорирование норм общественного бытия, противопоставление себя обществу, нарушение норм нравственности. Так или иначе, как отмечается в науке, «инкорпорирование религиозных смыслов в различные сферы общества пересекаются с потребностями обеспечения социальной консолидации на основе учета российского цивилизационного опыта [Мчедлова, 2016, 110]

Изложенные суждения придают фундаментальное значение необходимости отдельного изучения опыта государственно-конфессиональных отношений применительно к социальным теориям и практикам межконфессиональных отношений, этносоциального взаимодействия в социуме в целом. Задача науки всегда состояла в концептуальном обобщении ценностей духовности и нравственности для того, чтобы понять их сущность в условиях быстрой динамики общественного бытия.

Потенциал социальной памяти

Этносоциальные процессы и межконфессиональные отношения в регионах России и в целом по стране в последние годы развивались в русле не скрытых противоречий. Отчасти они порождены интенсивным идеологическим воздействием на историческую память населения, апеллируя к ней как фактору о несостоятельности вчерашней общественной системы. Системный кризис 90-х лет сопровождался военными конфликтами на бывших территориях некогда единого государства. Россия переживала состояние аномии, разложение системы ценностей и ценностно-нормативный вакуум. Искаженная историческая память как поле поиска российской идентичности и фундамента ее будущего извращала демократические ценности как цель развития российского общества. Экономический, политический, моральный и военный кризисы, продолжавшиеся в течение десятилетия, превратили российское общество в страну бедных, породили в широких масштабах саморазрушительную модель индивидуализма, что отбросило российское общество в нравственном отношении на столетие назад. На этом основании многие исследователи этносоциальных процессов на Северном Кавказе питательной

средой конфликтогенной ситуации считают низкий уровень жизни и бесперспективность подавляющего большинства людей, с одной стороны, и баснословное богатство местных элит, бесконтрольно присваивавших материальные средства – с другой. Справедливость этих выводов сомнений не вызывает. Однако, в условиях Северного Кавказа, наряду с экономическими факторами, действовала искаженная историческая память, преувеличенные национальные идеи. Примером служит Чеченская республика, которая, как считает Е.В. Бахревский, в силу причин исторического характера, имела ряд отличий от большинства российских регионов [Бахревский, 1999]. Надо полагать, обострение социальных противоречий и кризис политической системы общества были использованы лидерами сепаратизма для активизации исторической памяти, связанной с Кавказской войной. Тем не менее, именно воля народа развиваться в составе России сыграла решающую роль в том, что «... государство с опорой на гражданское население нанесло поражение вооруженному сепаратизму, действовавшему под лозунгами национального освобождения...» [Геворгян, 2012]. Очевидно такие и аналогичные обстоятельства имеются ввиду, когда исследователи отмечают, что «северокавказский этносоциальный конгломерат... проявил достаточно высокую степень устойчивости и «инертности» к дестабилизирующим и архаизирующим общественную жизнь воздействиям.» [Боров, Кочесок, 2011, 193]. Тем не менее, угроза межэтнического столкновения на Северном Кавказе в значительной степени продолжает исходить из совокупности социальных и идеологически мотивированных действий определенного круга людей, задавшись целью фальсификации исторической правды. В последнее время все чаще используются искаженные фрагменты социальной памяти в целях манипулирования сознанием людей. Реальная практика предоставляет нам различные примеры того, как социальные группы с определенными целями, ценностями и мировоззренческими подходами соревнуются в создании и продвижении их собственных версий прошлого. В этой связи заметим, что историческая память не есть феномен, не зависящий от интересов людей, или тех, кто преследуют конкретные цели. Она — действенное средство социального влияния, обладает колоссальным потенциалом [Кумыков, 2013]. Социальная память есть память правды, и только объективное освещение истории и ее умелое использование способно влиять на идентичность народа или отдельного индивида и корректировать социальное поведение. Однако искажение социальной памяти способно и спровоцировать конфликт. Она может быть использована как для поддержания стабильности в обществе, так и для общественной дестабилизации. В условиях жестких вызовов современного мира развитие России по исторически перспективному пути и консолидации нации – государства будет успешным лишь в том случае, если социальная память граждан будет ориентирована на общероссийскую идентичность и общегражданские ценности.

По меткому замечанию В.О. Ключевского, история проучивает тех, кто не хочет учиться у истории. Повторение трагических страниц истории страны может предупредить только продуманная, целенаправленная политика, в которой учитывались бы интересы всех народов. Россия – особого рода цивилизация. Если многие национальные государства создавались на основе этнической идентичности, относительно России, как известно, этого не скажешь. Исторически здесь постоянно шел процесс взаимного проникновения, привыкания, смешивания народов. Сотни этносов живут на своей исторической земле в контакте и взаимодействии с другими этносами и народами. Основание России на огромной территории – это результат совместных усилий народов, здесь живущих и нуждающихся в сохранении своей национальной идентичности [Мамсиров, Томазов, 2011, 148]. Учитывая, что Россия – многонациональное

общество, Конституция РФ закрепила федеративное устройство с правом на равноправие и самоопределение народов. В то же время народы России – это единый народ – «сложный и многомерный». Этот фактор обуславливает динамизм национальных отношений, требующих постоянного диалога, тонких решений и взвешенной политики, способной обеспечить «единство в многообразии». «Нужно отдавать отчет, – отмечает Президент В.В. Путин, – какие риски и угрозы заключены в ситуациях, чреватых переходом в стадию национального конфликта. И соответствующим, самым жестким образом, без оглядки на чины и звания, оценивать действия или бездействия правоохранительных структур, органов власти, которые привели к межнациональному напряжению. Не возводить ничего в принцип, – продолжает он, – не делать скоропалительных обобщений. Необходимо тщательное выяснение сути проблемы, обстоятельств, урегулирование взаимных претензий по каждому конкретному случаю, где замешан «национальный вопрос». Вместе с тем, учитывая уроки истории, глава государства справедливо предупреждает, что «...никакого диалога не может быть в ситуации насилия» [Путин, 2012].

Еще один урок, который следует извлечь из изучаемой проблемы. Национальная политика, как метко заметил президент Путин, не должна быть написана и тем более реализована исключительно в кабинетах чиновников. Здесь нет и не может быть простых решений. Элементы национальной политики, как он образно выразился, «рассыпаны во всех сферах жизни государства и общества – в экономике, социалке, образовании, политической системе, и внешней политике». Позитивные процессы последних лет в общественно-политической жизни, экономике, социальной сфере России и ее регионах должны подкрепляться научно-обоснованной социальной и национальной политикой государства. В науке и практике следует более настойчиво вести речь «о достижении социальной идентичности» как о «солидарной форме общности людей» [Тхагапсоев, 2011].

В рамках «многомерного» государственного образования, в составе которого многочисленны этнические регионы, очевидно, «актуальные проблемы не могут быть оценены в рамках учета только текущих возможностей, политической или социальной конъюнктуры... Необходимо рассматривать сложившуюся ситуацию как ситуацию множественности альтернатив, как ситуацию, содержащую возможность как позитивных изменений, так и углубления кризисных явлений» [Волков, 2016, 19]. Данное положение обуславливает многоаспектность и долгосрочность достижения социальной идентичности, поскольку гражданско-политическое единство России, надо полагать, еще долгое время будет дополняться национальной идентичностью. Следовательно, в контексте бытия этнической идентичности будет присутствовать персональная самонадеянность и соблазн силового поведения в обществе, что имело место в современном постсоветском пространстве.

Как видно, в условиях сложного национально-государственного образования России еще будет сохраняться социальная база конфликтов в сфере межэтнических отношений. Уверенно можно говорить: тех, кто вынашивает планы достижения цели национальной идентичности вооруженным путем, мало волнует судьба собственных народов, их традиции. Напротив, с точки зрения цивилизационного развития, как свидетельствует история, межнациональная напряженность отбрасывает народы далеко в прошлое. Предупреждающим фактором силового поведения в решении национального вопроса, как видно, станет социальный фактор, достижение социальной идентичности народов России.

Заключение

Подводя итоги исследования, следует особо подчеркнуть, что на современном этапе общественного развития этносоциальные процессы и религиозная ситуация в России требуют к себе пристального внимания ветвей власти на всех уровнях. Стоявшая задача изучить социокультурные условия протекания этносоциальных процессов и межконфессиональных отношений в северокавказском социуме в полной мере сопрягается с необходимостью обеспечения научной базы государственно-общественного реагирования на сложные вопросы этнического и конфессионального взаимодействия социальных групп и общностей. Научная разработка методов регулирования межнациональных и межконфессиональных отношений сопряжена с общим контекстом социально-экономического и политико-правового положения в социуме, в котором особо зримым остается взаимодействие государства и общества. Анализ социокультурной сферы общества методами социологии и социальной философии проведен в той мере, в какой это необходимо было для освещения объективного состояния этносоциальных процессов и межконфессиональных отношений в северокавказском социуме. Выявлена закономерность взаимной обусловленности различных сфер общества. Материалы социологического исследования демонстрируют дисгармонию материальных, социально-политических и культурно-духовных условий жизни, что служит конфликтогенным фактором. Известно, что взаимодействие народов и этнических групп в обществе всегда основывалось на экономическом фундаменте. Однако, следует учитывать тот факт, что индикаторы современной экономики основаны на более тонкой материи, чем экономика индустриального и постиндустриального общества. В частности, в современной экономике не все определяют всемогущие технические, технологические и сырьевые факторы. В процессе создания продукта и обеспечения социального воспроизводства непосредственной жизни на первые роли активно выдвигаются социокультурные факторы и процессы, социальное устройство общества. Наши данные демонстрируют слабость региональной политики России, и часто социокультурные факторы вовсе обходит стороной. Свидетельством тому является отсутствие в обществе осознание консолидирующей роли социальной идентичности, утрата во многом социальной и исторической памяти, возрастание в больших масштабах религиозной идеологии на уровне повседневности. Наши исследования фиксируют в этих явлениях тенденцию снижения общественной значимости национально-государственной идентичности, необходимой в гражданской повседневности в масштабах всего российского общества.

Федеральная и региональная политика в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и реагирование на эти процессы в обществе должны опираться на базовые принципы конституционального строя России. Основные и стратегические ориентиры и подходы осуществления национальной политики в России и регионах РФ основываются на Конституции Российской Федерации, долгосрочных концепциях и стратегиях, принятых органами государственной власти на федеральном и региональных уровнях управления. основополагающим положением для регулирования межнациональных и межконфессиональных отношений является, в частности, ст.3 п.1 гл.1 «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» и ст.6 п.2 «Каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации».

Эти и другие базовые положения Конституции дают ключ к эффективному взаимодействию государственных и общественных институтов на основе права. Об их роли в преодолении

возможных межнациональных и межконфессиональных конфликтов сказано руководителем Российского государства. Именно перед ними, говорит Президент, «стоит задача выявления и реагирования на нарушение прав человека, факты экстремизма и радикализма». Органы государственной власти и гражданское общество должны взаимодействовать в таких процессах, как «последовательная работа по укреплению межнационального согласия, грамотная миграционная политика, жесткое реагирование на факты бездействия должностных лиц или преступление, которые могут быть спровоцированы конфликтами на межнациональной почве».

Библиография

1. Апажева С.С., Машуков Х.В. Религиозные воззрения современной молодежи КБР: социологический анализ // Региональная научно-практическая конференция «Динамика развития культуры и искусства народов Северного Кавказа и профилактика ксенофобии, национализма и этносепаратизма». Махачкала, 2015. С. 110-117.
2. Бахревский Е.В. Чеченская республика в едином евразийском пространстве // Лучшие практики миротворчества и предотвращения конфликтов на Северном Кавказе. М., 1999. 124 с.
3. Бердяев Н. Философия Свободы. М., 1992. 254 с.
4. Боров А.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблема социально-культурного синтеза). Нальчик, 2014. 298 с.
5. Боров А.Х., Кочесоков Р.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе – противоречия интеграции и синтеза // Философские науки. 2011. № 1. С. 43-61.
6. Волков Ю.Г. Сценарное мышление в социологической диагностике // Социс. 2016. № 10. С. 13-20.
7. Геворгян К.А. Лучшие практики миротворчества и предотвращения конфликтов на Северном Кавказе. М., 2012. С. 7.
8. Голубев Н.Н. Исторический и этнонациональный аспекты конфликтов на Северном Кавказе // Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество. Ростов-на-Дону, 2006. С. 19-23.
9. Де Болт Дж. Причины и следствия неудач модернизации России. Социокультурный анализ // Социс. 2001. № 1. С. 20-31.
10. Дзидзоев В.Д. Этнополитическая ситуация в республиках Северного Кавказа в начале XXI века (историко-политологический анализ) // Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество. Ростов-на-Дону, 2006. С. 53-56.
11. Дзуцев Х.В., Атабиева З.А., Хубиев Б.Б. и др. Современное состояние исследований по религиозному экстремизму, основные направления исследований в мировой науке: социологический анализ. Москва-Владикавказ, 2016. 467 с.
12. Дзуцев Х.В. Социально-экономическая и политическая ситуация в республиках ЮФО РФ в начале XXI века. Этносоциологический анализ. М., 2009. Кн. 3.
13. Жаде З.А. Этнополитические конфликты на Северном Кавказе: геополитический дискурс // Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество. Ростов-на-Дону, 2006. С. 50-53.
14. Келер Я., Гуния А.Н., Тенов Т.З., Чеченов А.М. Институционально ориентированное изучение проблем устойчивого развития горных территорий // Устойчивое развитие горных территорий. 2017. Т. 8. С. 152-161.
15. Кумыков А.М. Социальная амнезия в российском обществе: природа и траектории рецепции прошлого в социокультурных практиках. Нальчик, 2013. С. 57-63.
16. Мамсиоров Х.Б., Тамазов М.С. «Лица кавказской национальности» в истории и культуре России // Философские науки. 2011. № 1. С. 145-150.
17. Мчедлова М.М. Религия, общество, государство: вызовы и угрозы современности // Социс. 2016. № 10. С. 110-118.
18. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Том 2. 448 с.
19. Путин В. Россия: национальный вопрос // Россия сосредотачивается. Ориентиры. М., 2012. С. 23-27.
20. Рыжова С.В. Особенности изучения религиозной идентичности россиян // Социс. 2016. № 10. С. 119-120.
21. Тхагапсоев Х.Г. Идентичность как философская категория и мера социального бытия // Философские науки. 2011. № 1. С. 76-90.
22. Хубиев Б.Б., Атабиева З.А., Кушхова А.Ф., Виндижева А.О. Духовность как ценностный императив науки и религии // Здоровье и образование в XXI в. 2016. № 2. С. 812-815.

23. Хубиев Б.Б., Хубиева А.Б. Гражданское общество в региональном измерении // Формирование гражданского общества и права человека. Нальчик, 2014. Кн. 7. С. 109-117.
24. Шпенглер О. Закат Европы. М., 2003. Том 1. 528 с.

Ethnosocial processes and interfaith relations in the North Caucasus

Aues M. Kumykov

Doctor of Philosophy, Professor,
Head of Department of Social work theories and technologies,
Kabardino-Balkarian State University,
360004, 173 Chernyshevskogo st., Nalchik, Russian Federation;
e-mail: aues-kumykov@mail.ru

Bashir B. Khubiev

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of Department of Social work theories and technologies,
Kabardino-Balkarian State University,
360004, 173 Chernyshevskogo st., Nalchik, Russian Federation;
e-mail: bashir-khubiev@mail.ru

Zarema A. Atabieva

PhD in Sociology, Associate Professor,
Associate Professor of Department of Social work theories and technologies,
Kabardino-Balkarian State University,
360004, 173 Chernyshevskogo st., Nalchik, Russian Federation;
e-mail: zarema-atabieva@mail.ru

Al'bina O. Vindizheva

PhD in Sociology, Associate Professor,
Associate Professor of Department of Social work theories and technologies,
Kabardino-Balkarian State University,
360004, 173 Chernyshevskogo st., Nalchik, Russian Federation;
e-mail: al'bina-vindizheva@mail.ru

Abstract

The article explores the socio-cultural conditions of interethnic and inter-confessional interaction of subjects of society on the matrix of a particular region. The concepts of socio-political reaction to the current state of ethno-social processes and inter-confessional relations in the North Caucasus socium under the conditions of the Russian transformation are scientifically grounded. The modern data on the North Caucasus, such as high unemployment, low living standards, financial subsidies, the manifestation of tension in ethnosocial processes, disorientation of people in the

sphere of religion, etc., revealed the weakness of state institutions at all levels, which excludes the possibility to speak with optimism about perspectives and strategies for regional development. The state of disintegration is persistently preserved both within the regional society, and in regions and the federal center. Spirituality is considered one of the decisive factors in the harmonization of interethnic and inter-confessional relations. Specific data of the population's survey on freedom of religion in the conditions of an ideological vacuum testify to the blurriness and ideological dualism in the society. The desire of a person to preserve both his ethnicity and reveal his faith has been revealed. In this regard, special scientific research is required in order to develop a more effective model of state-public response to the ethnic and religious situation in the regions of Russia.

For citation

Kumykov A.M., Khubiev B.B., Atabieva Z.A., Vindizheva A.O. (2017) Etnosotsial'nye protsessy i mezhkonfessional'nye otnosheniya na Severnom Kavkaze [Ethnosocial processes and interfaith relations in the North Caucasus]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (6A), pp. 122-142.

Keywords

Paradigmatic model, constants, contradictions, conflicts, liberal concept, radical Islam, terrorism, dualism, standard of living, shock therapy.

References

1. Apazheva S.S., Mashukov Kh.V. (2015) Religioznye vozzreniya sovremennoi molodezhi KBR: sotsiologicheskii analiz [Religious views of modern youth KBR: sociological analysis]. In: *Regional'naya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Dinamika razvitiya kul'tury i iskusstva narodov Severnogo Kavkaza i profilaktika ksenofobii, natsionalizma i etnoseparatizma»* [Regional scientific and practical conference "Dynamics of the development of culture and art of the peoples of the North Caucasus and the prevention of xenophobia, nationalism and ethnoseparatism"]. Makhachkala.
2. Bakhrevskii E.V. (1999) Chechenskaya respublika v edinom evraziiskom prostranstve [Chechen Republic in a single Eurasian space]. In: *Luchshie praktiki mirotvorchestva i predotvrashcheniya konfliktov na Severnom Kavkaze* [Best practices of peacemaking and conflict prevention in the North Caucasus]. Moscow.
3. Berdyaev N. (1992) *Filosofiya Svobody* [Philosophy of Freedom]. Moscow.
4. Borov A.Kh. (2014) *Severnyi Kavkaz v rossiiskom tsivilizatsionnom protsesse (Problema sotsial'no-kul'turnogo sinteza)* [The North Caucasus in the Russian Civilizational Process (The Problem of Socio-Cultural Synthesis)]. Nalchik.
5. Borov A.Kh., Kochesokov R.Kh. (2011) Severnyi Kavkaz v rossiiskom tsivilizatsionnom protsesse – protivorechiya integratsii i sinteza [Northern Caucasus in the Russian civilizational process – the contradictions of integration and synthesis]. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences], 1, pp. 43-61.
6. De Bolt J. (2001) Prichiny i sledstviya neudach modernizatsii Rossii. Sotsiokul'turnyi analiz [Reasons and consequences of the failures of Russia's modernization. Sociocultural analysis]. *Socis*, 1, pp. 20-31.
7. Dzidzoev V.D. (2006) Etnopoliticheskaya situatsiya v respublikakh Severnogo Kavkaza v nachale XXI veka (istoriko-politologicheskii analiz) [Ethnopolitical situation in the North Caucasus republics at the beginning of the XXI century (historical and political analysis)]. In: *Konflikty i sotrudnichestvo na Severnom Kavkaze: upravlenie, ekonomika, obshchestvo* [Conflicts and cooperation in the North Caucasus: management, economy, society]. Rostov-on-Don.
8. Dzutsev Kh.V., Atabieva Z.A., Khubiev B.B. et al. (2016) *Sovremennoe sostoyanie issledovaniy po religioznomu ekstremizmu, osnovnye napravleniya issledovaniy v mirovoi nauke: sotsiologicheskii analiz* [The current state of research on religious extremism, the main areas of research in world science: a sociological analysis]. Moscow, Vladikavkaz.
9. Dzutsev Kh.V. (2009) *Sotsial'no-ekonomicheskaya i politicheskaya situatsiya v respublikakh YuFO RF v nachale XXI veka. Etnosotsiologicheskii analiz* [Socio-economic and political situation in the republics of the Southern Federal District of Russia at the beginning of the XXI century. Ethnosociological analysis]. Moscow. Vol. 3.
10. Gevorgyan K.A. (2012) *Luchshie praktiki mirotvorchestva i predotvrashcheniya konfliktov na Severnom Kavkaze* [Best

- practices of peacemaking and conflict prevention in the North Caucasus]. Moscow.
11. Golubev N.N. (2006) Istoricheskie i etnonatsional'nyi aspekty konfliktov na Severnom Kavkaze [Historical and ethnonational aspects of conflicts in the North Caucasus]. In: *Konflikty i sotrudnichestvo na Severnom Kavkaze: upravlenie, ekonomika, obshchestvo* [Conflicts and cooperation in the North Caucasus: management, economy, society]. Rostov-on-Don.
 12. Keler Ya., Gunya A.N., Tenov T.Z., Chechenov A.M. (2017) Institutsional'no orientirovannoe izuchenie problem ustoichivogo razvitiya gornykh territorii [Institutionally oriented study of the problems of sustainable mountain development]. In: *Ustoichivoe razvitie gornykh territorii* [Sustainable development of mountain territories], 8, pp. 152-161.
 13. Khubiev B.B., Atabieva Z.A., Kushkhova A.F., Vindizheva A.O. (2016) Dukhovnost' kak tsennostnyi imperativ nauki i religii [Spirituality as a value imperative of science and religion]. *Zdorov'e i obrazovanie v 21 v* [Health and education in the XXI century], 2, pp. 812-815.
 14. Khubiev B.B., Khubieva A.B. (2014) Grazhdanskoe obshchestvo v regional'nom izmerenii [Civil Society in the Regional Dimension]. In: *Formirovanie grazhdanskogo obshchestva i prava cheloveka* [Formation of Civil Society and Human Rights]. Nalchik. Vol. 7.
 15. Kumykov A.M. (2013) *Sotsial'naya amneziya v rossiiskom obshchestve: priroda i traektorii retseptsii proshlogo v sotsiokul'turnykh praktikakh* [Social amnesia in Russian society: nature and trajectories of reception of the past in sociocultural practices]. Nalchik.
 16. Mamsirov Kh.B., Tamazov M.S. (2011) «Litsa kavkazskoi natsional'nosti» v istorii i kul'ture Rossii ["Persons of Caucasian nationality" in the history and culture of Russia]. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences], 1, pp. 145-150.
 17. Mchedlova M.M. (2016) Religiya, obshchestvo, gosudarstvo: vyzovy i ugrozy sovremennosti [Religion, society, state: challenges and threats of the present]. *Socis*, 10, pp. 110-118.
 18. Popper K. (1992) *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [Open society and its enemies]. Moscow. Vol. 2.
 19. Putin V. (2012) Rossiya: natsional'nyi vopros [Russia: the national question]. In: *Rossiya sosredotachivaetsya. Orientiry* [Russia is concentrating. Landmarks.]. Moscow.
 20. Ryzhova S.V. (2016) Osobennosti izucheniya religioznoi identichnosti rossiyan [Peculiarities of studying the religious identity of Russians]. *Socis*, 10, pp. 119-120.
 21. Spengler O. (2003) *Zakat Evropy* [The Decline of Europe]. Moscow. Vol. 1.
 22. Tkhapsoev Kh.G. (2011) Identichnost' kak filosofskaya kategoriya i mera sotsial'nogo bytiya [Identity as a philosophical category and measure of social being]. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences], 1, pp. 76-90.
 23. Volkov Yu.G. (2016) Stsenarnoe myshlenie v sotsiologicheskoi diagnostike [Scenario thinking in sociological diagnostics]. *Socis*, 10, pp. 13-20.
 24. Zhade Z.A. (2006) *Etnopoliticheskie konflikty na Severnom Kavkaze: geopoliticheskii diskurs* [Ethnopolitical conflicts in the North Caucasus: geopolitical discourse]. In: *Konflikty i sotrudnichestvo na Severnom Kavkaze: upravlenie, ekonomika, obshchestvo* [Conflicts and cooperation in the North Caucasus: management, economy, society]. Rostov-on-Don.